

ДЫХАНИЕ ПРОШЛОГО: А. БЛОК ИЗ ПЕТЕРБУРГА ВО ВЛАДИКАВКАЗ

Ф.Т. НАЙФОНОВА

«Детство все пронизано религиозными мотивами. Часто помню себя в ранний час в пустынной церкви Спаса во Спасском, около амвона, вместе с отцом. Изо дня в день. За цветным стеклом радостное утро в звуковых лучах Херувимской. Мотив этот неотступно со мной, высокий, успокаивающий, как тающие в небе облака». Эти строки из неопубликованной автобиографии Евгения Яковлевича Архиппова «Гипсовая маска». Воспоминания о прожитом и пережитом, посвященные Черубине де Габриак (псевдоним поэтессы Е.М. Васильевой (1887-1928)), он сопроводил эпиграфом: «Я в мысль глухую о себе ложусь, как в гипсовую маску».

Евгений Яковлевич Архиппов, чья жизнь и судьба удивительным образом связаны с Владикавказом, родился 22 декабря 1882 г. в Москве, на Первой Мещанской улице в доме Журавлева. Семейная легенда гласила: дед Максим Архиппович Щербицкий, служилый солдат во времена польского восстания, сменил свою фамилию и таким образом стал Архипповым. По месту службы дед жил в Крыму. Здесь же при загадочных обстоятельствах его, сброшенного в яму, насмерть затоптали солдаты.

Историю эту Евгению часто рассказывал отец – Яков Максимович, окончивший в свое время высшее

учебное заведение и прослуживший долгие годы в почтовом ведомстве. Увлечение литературой, страсть к собиранию книг, журналов, глубокое и вдумчивое отношение к истории, философское осмысление творчества поэтов – во многом от отца. А от матери своей, Агриппины Андреевны Струнковой, Евгений Яковлевич унаследовал интерес к Польше, ее языку и культуре.

В 1900 г. он становится студентом историко-филологического факультета Московского университета. Его литературные и эстетические взгляды формировались под влиянием философии Соловьева, Ключевского, лирики Иванова, Бальмонта, Брюсова.

В 1906 г. с дипломом выпускника Московского университета 1-й степени Архиппов приезжает во Владикавказ и поступает на службу в Кавказский Учебный Округ преподавателем истории и русского языка Ольгинской Женской Гимназии. Здесь он – и руководитель специального исторического отделения 8 класса (с 1906 по 1915 гг.), и библиотекарь, и лектор, знакомящий владикавказскую интеллигенцию с новой русской поэзией в обществе народных чтений.

Наряду с общественно-политической деятельностью широкую известность ему приносит и литературная.

Первая его критическая статья «А.Н. Майков» была опубликована в газете «Терек» (16 марта 1907 г.). Но особенно плодотворными для Архиппова оказались 1910-е годы. Именно тогда он сближается с поэтами-символистами, объединившимися вокруг московского журнала «Жатва». Здесь выходит в свет его статья «Грааль печали», посвященная лирике Е. Баратынского, а также публикуется «Биография Иннокентия Аннинского». В 1915 г. «Жатва» издает сборник его статей о русских поэтах под названием «Миртовый венец», куда вошли статьи о лирике А. Фета, А. Толстого, Е. Баратынского, А. Апухтина, К. Бальмонта, И. Аннинского.

Публикации Архиппова регулярно появлялись в газете «Терек», «Нижегородской земской газете», в «Историческом сборнике», издававшемся Кавказским Учебным Округом, в журнале «Казбек», в московском издательстве «Жатва». Архиппов писал: «Никаких гонораров за свои статьи не получал. Всегда печатался под своим именем, очень редко под фамилией “Д. Щербицкий” и один раз под псевдонимом “Марцепий Струнский”» (см.: [1]).

После революции он уезжает в Новороссийск, где в 1920 г. встречается с Всеволодом Мейерхольдом, с которым работает в подотделе искусств отдела народного образования Новороссийского ревкома. Возвратившись во Владикавказ, Евгений Яковлевич оказывается в группе молодых поэтов – создателей литературного кружка «Вертеп». В 1926 г. они издадут альманах «Золотая зурна», на страницах которого были опубликованы стихи владикавказской поэтессы Веры Александровны Меркурьевой (1876-1943), известной под

псевдонимом Кассандра. По ее словам, Архиппов – «литератор истинный, нашедший свой стиль». Потом Евгений Яковлевич бережно соберет и сохранит материалы, связанные с творчеством Кассандры, напишет рукописную «Книгу о Вере Меркурьевой», как, впрочем, со слов М. Волошина, запишет и воспоминания о Черубине де Габриак и составит из них сборник «М.А. Волошин. История Черубины» (о ней см.: [2]).

Евгений Яковлевич Архиппов до конца своих дней (он умер 15 августа 1950 г. во Владикавказе) будет хранить документы, ныне составляющие богатейшее литературное наследие, к которому еще не раз обратятся литературоведы.

Страница перевернута, но не закрыта. В лице Евгения Яковлевича Архиппова литературный Владикавказ привлекал к себе цвет русской интеллигенции. Свидетельство тому – письмо Александра Блока, единственное его письмо во Владикавказ, не вошедшее, кстати, ни в одно из собранных сочинений поэта и хранящееся в ЦГАЛИ с пометкой «уникальное» [3, 1-4]. Это письмо, частное по форме, но по сути – глубоко искреннее, выстраданное, пронзительное, щемящее и по-блоковски целомудренное размышление о Поэте и Поэзии – мы приводим полностью...

«Многоуважаемый Евгений Яковлевич! Только на днях получил я через “Золотое руно” Ваше письмо и стихи А. Звенигородского*.

* Андрей Звенигородский, поэт, был в дружеских отношениях с Архипповым и оказал большое влияние на становление его эстетических и литературных взглядов. Встретились они, будучи студентами Московского университета. Творчеству товарища Архиппов посвятил статью «Поэзия князя Андрея Звенигородского».

Прежде всего за письмо издали крепко жму Вам руку. Не стоит много и говорить – Вы сами, конечно, знаете, что такие читатели, как Вы, не видевшие меня в глаза, не слышавшие обо мне лично и прочитавшие только сборник стихов, т.е. лучшую часть души – без ежедневного в ней хлама – ценнее и дороже всего. Потому горячо Вас благ[ода]рю, настолько горячо, насколько могу сейчас, когда поглощен соображениями и заботами злободневными. Мой сборник «Нечаянная радость» выйдет скоро – к Рождеству. Эту Нечаянную Радость я, пока что, пожертвовал в стихи, как все мы постоянно жертвуем; и потому, конечно, часть души у себя отнял, как все мы отнимаем. Стихи написаны, потом печатаются, автор их забывает и торопится лихорадочно к новому, тоскуя, если оно долго не приходит. Так было и со мной – со стихами о Прекрасной Даме, а теперь и Неч. Радостью. В том и другом уже многое разлюбил (...) прошедшее туманом его закрыло и отодвинуло от меня. А я вот живу, как все мы живем, немножко тоскуя чеховской обывательской тоской, лишь изредка открывая глаза и бодрствуя. Потому всегда немного стыдно, когда обращаются с похвалами лично ко мне, как будто я вовсе не виноват в своих стихах. Не всегда есть, чем пережить такую похвалу, потому что умерла и погребена та часть души, за которую хвалят. Но спасибо Вам от души. Теперь о «Delirium tremens». Не нравится мне ничего, кроме одного стихотворения: «Солнце в могилу глядит», да и то – «земля, изъята на три аршина» – нехорошо*.

* Блок имеет в виду строки:
Солнце в могилу глядит.
на три аршина изъятую.

Я бы решился, и объективно, отнесясь от своего впечатления, утверждать, что сборник этот слаб. Можно простить автору слабость техники, потому что она – дело наживное. Но нельзя простить вычурность и отсутствие стройной психики. Какая бы ни была страстная буря в душе, – ею нужно уметь жонглировать и владеть для того, чтобы быть поэтом.

Стихи вовсе не есть «кровавое дно, где безумствует жрица», как сказано в эпиграфе; скорее, стих – мертвый кристалл, которому в жертву приносишь часть своей души с кровью. «Убивай душу и станешь поэтом», сказал бы я, нарочно утрируя, для того чтобы точнее передать то, что чувствую; или – «убивай естество, чтобы рождалось искусство». У А. Звенигородского нет самопожертвования в этом смысле – самого страшного, потому что не видного для других и наиболее убийственного. Если Тютчев сказал о поэте:

*Он не змеєю сердце (девы) жалит,
Но, как пчела, его сосет,*

то нельзя забывать, что сердце самого поэта сосет, как пчела, его искусство. Если этого нет (этой страшной, незаметной жертвы), то получается поэт по преимуществу декадентский, как А. Звенигородский: конечно, одинокий, даже не подражательный (можно не считать легкого влияния, пожалуй, Бальмонта, если не «школы символистов» вообще), но и не передающий другому своего дыхания. Вот, мне кажется, основная неправда его поэзии, может быть, не лишенной своеобразности, особенно в отдельных строках. Но хуже всего, когда в маленьком стихотворении прихо-

*Гроб на полотнах стучит,
в нишу спускается сжатую [4, 26об.].*

дится искать отдельные строки или удачные рифмы. Лучше, чтобы стихи были еще слабее по форме, но чтобы они были внутренне цельнее, чтобы в них сдержанно целомудренно дышала душа – пусть даже самая безудержная и страстная.

Еще раз спасибо Вам за письмо. Крепко и с благ[ода]рностью жму Вашу руку.

Александр Блок.

7 ноября 1906, С. Петербург,

Петербургская сторона, Лахтинская ул. 3, кв. 44.»

-
1. ЦГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 42.
  2. Октябрь. Л., 1989. № 5. С. 149-159.
  3. ЦГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 57.
  4. ЦГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 14.